

Н. А. Тэффи

Федор Сологуб

Воспоминания о серебряном веке.

Сост., авт. предисл. и коммент. Вадим Крейд.

М.: Республика, 1993.

OCR Ловецкая Т. Ю.

Знакомство мое с Сологубом началось довольно занятно и дружбы не предвещало. Но впоследствии мы подружились.

Как-то давно, еще в самом начале моей литературной жизни, сочинила я, покорная духу времени, революционное стихотворение "Пчелки". Там было все, что полагалось для свержения царизма: и "красное знамя свободы", и "Мы ждем, не пробьет ли тревога, не стукнет ли жданный сигнал у порога...", и прочие молнии революционной грозы.

Кто-то послал это стихотворение Ленину в Женеву, и оно было напечатано в большевистском журнале.

Впоследствии в дни "полусвободы" я читала его с эстрады, причем распорядители-студенты уводили присутствовавшего для порядка полицейского в буфет и поили его водкой, пока я колебалась устои. Тогда еще действовала цензура, и вне разрешенной программы ничего нельзя было читать.

Вернувшийся в залу пристав, удивляясь чрезмерной возбужденности аудитории, спрашивал:

-- Что она там такое читала?

-- А вот только то, что в программе. "Моя любовь, как странный сон".

-- Чего же они, чудаки, так волнуются? Ведь это же ейная любовь, а не ихняя.

Но в то время, с которого я начинаю свой рассказ, стихи эти я читала только в тесном писательском кружке. И вот мне говорят странную вещь:

-- Вы знаете, что Сологуб написал ваших "Пчелок"?

Я Сологуба еще не знала, но раз где-то мне его показывали.

Это был человек, как я теперь понимаю, лет сорока, но тогда, вероятно потому, что я сама была очень молода, он мне показался старым, даже не старым, а каким-то древним. Лицо у него было бледное, длинное, безбровое, около носа большая бородавка, жиденькая рыжеватая бородка словно оттягивала вниз худые щеки, тусклые, полузакрытые глаза. Всегда усталое, всегда скучающее лицо. Помню, в одном своем стихотворении он говорит:

Сам я и беден и мал,

Сам я смертельно устал... ¹

Вот эту смертельную усталость и выражало всегда его лицо. Иногда где-нибудь в гостях за столом он закрывал глаза и так, словно забыв их открыть, оставался несколько минут. Он никогда не смеялся.

Такова была внешность Сологуба.

Я попросила, чтоб нас познакомили.

-- Федор Кузьмич, вы, говорят, переделали на свой лад мои стихи.

-- Какие стихи?

-- "Пчелка".

-- Это ваши стихи?

-- Мои. Почему вы их забрали себе?

-- Да, я помню, какая-то дама читала эти стихи, мне понравилось, я и переделал их по-своему.

-- Эта дама -- я. Слушайте, ведь это же нехорошо так забрать себе чужую вещь.

-- Нехорошо тому, у кого берут, и недурно тому, кто берет.

Я засмеялась.

-- Во всяком случае, мне лестно, что мои стихи вам понравились.

-- Ну вот видите. Значит, мы оба довольны.

На этом дело и кончилось.

Через несколько дней получила я от Сологуба приглашение непременно прийти к нему в субботу. Будут братья-писатели.

Жил Сологуб на Васильевском острове в казенной квартирке городского училища, где был преподавателем и инспектором. Жил он с сестрой, плоскогрудой, чахоточной старой девицей. Тихая она